

ЕЛЕНА ИВАНЕНКО,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела истории и теории социологии Института социологии НАН Украины, Киев

**Демократия сквозь века и континенты:
взгляд издалека**

Единбургський погляд на історію демократії від давніх часів до майбутніх можливостей. — За ред. Б.Айзехена та С.Стоквелла; пер. з англ. Р.Машкової, О.Хоменко; вступ. слово А.Єрмолаєва. — Харків: Фоліо, 2017. — 639 с.

Осенью 2017 года увидел свет украинский перевод книги “Эдинбургский взгляд на историю демократии от древнейших времен до будущих возможностей”¹— совместный проект Института стратегических исследований “Новая Украина” и издательства “Фолио” (Харьков), посвященный истории демократии в сравнительной перспективе.

Это основательное и весомое (в прямом и переносном смысле) издание австралийских ученых Б.Айзехена и С.Стоквелла, известных у себя на континенте исследователей гражданского общества и демократии, авторов ряда изданий и исследований в этой сфере.

Под одной обложкой они собрали свыше четырех десятков оригинальных эссе ведущих специалистов по изучению разных эпох, стран, событий и народов. Эти авторы вместе взятые предлагают многосторонний взгляд на демократию и ее развитие, делятся своими знаниями, подходами, предположениями и результатами исследований. В целом же они стремятся доказать, что демократия была и остается намного более давним и распространенным явлением, чем мы привыкли считать, и что ее сегодняшняя глобальная популярность объясняется ее необычайным значением и ролью в истории человечества.

1

Перевод по изданию: *The Edinburgh Companion to the History of Democracy*. Ed. by B.Isakhan, St. Stockwell. Regnery Publishing, 2012.

Авторы уделяют внимание как широко известным, хрестоматийным примерам демократии (таким как Афины, Рим или английский парламент), так и менее известным (вроде древнего Китая, Финикии или Африки времен колониализма), а также разнообразным народным движениям и современным взглядам на возможности дальнейшего развития демократии в мире.

Они пытаются убедить читателей и доказать, что демократия является категорией вечной и универсальной, свойственной всем временам и народам, что родилась она гораздо раньше, а не во времена Древней Греции, как принято считать, и что практика принятия коллективных решений в древности была настолько же распространённой, как и сейчас, и даже больше, нежели мы считаем.

Безусловно, путь развития демократии был сложным и противоречивым, и XX век оказался наиболее плодотворным и успешным для ее развития и триумфа. Так, если в начале прошлого века едва ли два десятка стран можно было считать демократическими, то к началу XXI века их количество возросло до 123, что составляет 65% от почти 200 стран мира. То есть впервые за всю историю человечества большинство населения проживает в условиях той или иной формы демократии.

В общем авторы исходят из универсального понимания демократии как системы правления, при которой: граждане имеют все права и обязанности гражданства; на них распространяется действие норм и законов, защищающих это гражданство, и при необходимости существует возможность привлечь к ответственности тех, кто находится при власти; граждане сотрудничают, конкурируют и активно участвуют в политической жизни и т.п. (с. 25).

Авторы стремятся убедить читателя в том, что попытки очертить историю демократии, базирываясь на традиционном европоцентричном подходе, то есть исходя из событий преимущественно европейского пространства, ошибочны. Они полагают, что каждое судьбоносное событие на европейском или американском пространстве (создание Британского парламента, Французская революция, принятие Декларации независимости США и т.п.) — весомый и существенный, однако недостаточный вклад в понимание демократии. По их мнению, нужно учитывать также другие факторы и события прошлого. Древняя Греция подарила миру лишь слово “демократия”, но собственные принципы управления, схожие или отличные от древнегреческих, в древности практиковали и другие народы — прадавние ассирийцы и израильтяне, средневековые мусульмане, маори, индейцы и другие.

Авторы развенчивают традиционное предположение об англо-американском происхождении демократии, критикуют западные нарративы о демократии и ее истоках, показывают широту и глубину роли демократии в обществе, в частности на примерах современной Бирмы, Индии, Китая, постколониальной Африки.

В первой части книги рассматривается доклассическая демократия во времена, предшествовавшие Древней Греции. Так, профессор К.Боэм из Университета Южной Калифорнии (Лос-Анджелес, США) предлагает оригинальную, хоть и не слишком убедительную версию, выделяя рудиментарные признаки демократии, имевшие место миллионы лет назад. На примере поведенческой филогенетики он раскрывает структурные компоненты деспотизма, эгалитаризма и первобытной демократии в прапрадавние времена (с. 49–61).

На примерах древних цивилизаций показано наличие элементов демократии участия в Ассирии (с. 62–73), воплощение первичных элементов (прото)демократии в ведических советах индийских республик (с. 74–85), демократический характер отношений израильтян с финикийцами (с. 99–110).

Во второй части речь идет о классической демократии — греческой и римской, — которые составляют основу нашего традиционного понимания демократии и служат базисом бюрократически-судебной системы управления (с. 113–152).

Третья часть касается принципов протодемократии темных времен раннего Средневековья — периода, которому исследователи данного феномена обычно уде-

ляют недостаточно внимания. Однако и в те времена, по мнению С. Стоквелла, можно проследить демократические тенденции, в частности в исламских империях или скандинавских странах на севере Европы (с. 155–202).

В четвертой части речь идет о раннемодерной демократии — зарождении, становлении и расцвете представительской формы демократии в Европе и Америке. Большое внимание сосредоточено на развитии английского парламента — от правления короля Генриха III (XIII в.) до политики Генриха VII (XV в.), когда уже установилась четкая схема парламентских выборов.

В пятой части представлена краткая история первых политических движений “левелеров” и “диггеров” (“уравнителей” и “копателей”). Первые были противниками монархии и аристократии, выступали за образование республики, отстаивали идею народного суверенитета, широких политических прав и свобод для населения, таких как проведение ежегодных выборов в Палату общин, предоставление избирательных прав всем свободным мужчинам, защита неприкосновенности частной собственности. Вторые — представители сельской бедноты — наоборот, выступали против частной собственности, в первую очередь — на землю. Однако и те, и другие первыми выдвинули предложение о представительском правительстве, способном руководить целым государством (с. 217–228).

В этой же части освещается история объединения сельских и городских кантонов, которые функционировали как демократические республики и, объединившись, образовали Швейцарский союз (с. 229–253). Здесь же рассмотрен классический пример Французской революции, ставшей толчком для введения во Франции представительской демократии (с. 254–266).

Значительное внимание в книге уделено Африке (демократии в контексте колониализма, с. 269–292), которая до недавнего времени считалась континентом, не заслуживающим внимания обществоведов, и тем более научного изучения. В книге опровергается такое представление, обусловленное расовыми предубеждениями и негативными стереотипами в плане достижений и роли африканцев в областях науки, этики, политики, философии (М. Овусу, с. 269). По мнению авторов книги, им приходится постоянно преодолевать “этноцентрические стереотипы и ложные представления” касательно цивилизаторской миссии метрополии в отношении третьего мира. В этой же части раскрывается характер отношений среди аборигенных народов и колонистов Австралии (то есть Австралии и некоторых близлежащих островов), где с конца XVIII века демократия была одним из колонизаторских проектов.

Две следующих части книги (6-я и 7-я) сосредоточены на национально-освободительных (с. 319–380) и народных движениях (с. 381–436), которые принесли и в дальнейшем внедрили демократические принципы в Южной Америке, Японии и Восточной Европе. Широкая поступь национально-освободительного движения в латиноамериканских странах привела не только к независимости этих стран, но и к широкому и активному участию их народов в политике и государственном управлении. В книге также освещается японский опыт утверждения демократии после 1945 года, когда активное вмешательство США отчасти содействовало, а отчасти препятствовало реализации демократических устремлений в стране. Рассматриваются и оцениваются влияние борьбы против рабства на демократию в Британии, Франции и США, распространение движения за права женщин, противоречия внутри социалистического движения времен Октябрьской революции (Ленин — Каутский, анархисты — коммунисты), идеологические различия между социализмом, коммунизмом и анархизмом в аспекте демократии, влияние дискуссий между ними на глобальную политику и т.п.

В восьмой части, озаглавленной “Демократия сегодня” (с. 437–526), внимание уделено относительно недавним событиям в истории демократии. Авторы акцентируют тот факт, что хотя численность демократических стран в мире возрастает, процесс борьбы за демократию становится все более сложным. Они рассматривают это

на примере успешной борьбы против апартеида в ЮАР и вместе с тем дальнейших осложнений в стране и все еще неразрешенных проблем.

Украинского читателя, безусловно, привлечет глава, посвященная “грузинскому вопросу” — рассмотрению Революции Роз 2004 года в Грузии. И хотя автор считает, что она не сыграла важной роли в демократизации страны и не внесла ощутимого вклада в ее понимание, его видение с точки зрения стороннего наблюдателя, тем более с другого континента (в данном случае из США), не может не заинтересовать.

По мнению автора, Революция Роз была лишь малой частичкой глобальной истории демократизации, поддержанной и разыгранной Вашингтоном. В то же время эта революция, как и в случае других цветных революций — Оранжевой в Украине и Тюльпанов в Киргизстане (к сожалению, автор лишь упоминает о них, а не останавливается более детально, хотя эти события происходили одновременно с грузинскими), не смогла выйти за пределы собственного государства и повлиять на развитие демократии, хотя на нее возлагались большие надежды, и тем более она не смогла инициировать глобальные демократические преобразования. Напротив, уверен автор, она ускорила возникновение нового, полуавторитарного режима в стране, в определенных аспектах более ригоричного, чем предыдущий, времен Шеварднадзе (с. 474).

К подобному выводу приходит и Б.Айзехен, рассматривая вопросы демократии в Ираке после 2003 года. Так, если сначала вторжение США привело к утверждению свободы СМИ и политических партий, то после выборов 2005 года власть сосредоточилась преимущественно в руках элиты, начался обратный процесс, произошел всплеск этнорелигиозного насилия, а в конечном счете — усиление авторитарности правительства. В этой же части рассмотрены попытки инициировать демократические процессы в Бирме, провал Шафрановой революции 2007 года, развитие событий в Китае после противостояния на Площади Тяньаньмэнь.

В последней, девятой части книги уделено внимание разным вариантам и возможностям будущего развития демократии. Авторы размышляют о перспективах демократии в мире, рассматривают изменения, которые она претерпевает в результате глобализации и развития новейших технологий, обсуждают поиски способов сделать демократию, так сказать, более демократической.

Сегодня международные отношения выступают решающим фактором политики, и им принадлежит важная роль в процессах демократизации. Авторы акцентируют внимание на американском опыте содействия демократическим процессам в мире (как до Холодной войны, так и после), рассматривают транснациональный характер демократии, исследуют современные информационные и коммуникационные технологии, их глобальный характер, выделяя и определяя так называемую цифровую демократию эпохи социальных медиа (с. 558), размышляют о радикальной демократии, идущей на смену ее либеральной модели.

Размывание границ и рамок между публичным и частным благодаря развитию социальных сетей, наличию разнообразных способов и средств коммуникации дают основания отойти от обычных моделей традиционного рационального консенсусного обмена мнениями, открывая широкий доступ к более дискуссивным формам демократического вовлечения и возможностям развития демократии.

Авторы обсуждают теорию совещательной демократии — наиболее популярной среди всех теорий последней четверти века. Ее теоретические основания можно найти в работах Ж.-Ж.Руссо, А. де Токвилля, Дж.-С.Милля, Ю.Хабермаса, Дж.Роулза, и она направлена на преодоление таких недостатков современной демократии, как низкое участие граждан, их политическая пассивность и апатия, влияние денег и власти на политический процесс и т.п. (с. 581).

Безусловно, новые времена корректируют прежние понятия, формируют новое понимание явлений. Институты демократии и нормативные идеалы меняются, попадая в среды, где их не было раньше или же они были слишком слабыми и незаметными. На смену простым теориям и подходам, которые ассоциируются с “концом исто-

рии” Фукуямы или “третьей волной” Хантингтона, приходят новые, имеющие мультипарадигмальный характер, изучающие изменения, происходящие в языке, понятиях, социальных институтах, инфраструктурах и т.п. Демократия тоже приспособляется к инновациям. Все это заставляет рассматривать ее как незавершенный и открытый проект, а новое мышление, зарождающееся в новых условиях, должно исходить из повседневного человеческого опыта, основываться на надеждах, представлениях и ожиданиях людей. К таким выводам приходят составители сборника.

Напомню, что этот сборник является первой попыткой исследовать демократию в исторической перспективе и, по мнению составителей, менее предвзято, чем это делалось прежде. Кроме того, в нем можно найти новые, непривычные ответы на старые вопросы, новые подходы, увидеть, что демократия не является постоянной структурой, а представляет собой динамичную и противоречивую систему правления.

Конечно, мы можем не соглашаться с мнением, что демократия — это универсальное явление, имеющее своих законных предшественников в каждом уголке земного шара и укорененное в каждой культуре. Равно как можно не соглашаться с мнением об адаптивном характере демократии, с тем, что ей присуща способность укореняться и успешно процветать в любых географических, культурных, религиозных средах, приспособляться к отсутствию всяческих предпосылок, определяемых и выявляемых метатеоретиками, мыслителями и учеными-исследователями. Но нам, бесспорно, должны импонировать попытки авторов книги доказать, что мы ошибаемся. А если нет, то согласится ли, хотя бы гипотетически, рядовой итальянец, шотландец или американец покинуть свою страну и переехать, например, в Буркина-Фасо или Чад и жить там по правилам тамошней демократии? ...

А вот для большинства граждан из развивающихся стран демократия сегодня стала чем-то манящим, тем, за что нужно бороться, что, как и свободу, время от времени приходится “кропить кровью”, чего не понять нынешним европейцам или американцам, считающим демократию чистой игрой правящих элит ради защиты собственных интересов с негативными последствиями для жизни остального демоса.

Говоря об адаптивной и универсальной природе демократии, авторы вынуждены признать такую же — универсальную и адаптивную — природу тирании и деспотизма, подчеркивая шаткую грань между ними и демократией (с. 615).

При отсутствии исчерпывающих аргументов и ответов исследователи сами задаются вопросом: стоит ли демократия того, чтобы ее защищать. Если она является безупречной формой правления, почему допускает войны или этнонациональные конфликты? Не является ли она очередной химерой, искусственным образованием, средством борьбы одних ради господства над другими? Действительно ли она является тем набором универсальных идеалов и институтов, которые можно использовать по всему миру? И не был ли прав Черчилль, когда говорил, что “демократия является наихудшей формой правления, если не учитывать все остальные формы...”? Похоже, авторы сами не знают ответа, резюмируя, что доказать или опровергнуть данные допущения могут только новые, еще не проведенные исследования...

Несмотря ни на что, они выражают надежду, что эта книга, приведенные в ней факты и освещенные идеи и гипотезы послужат не только материалом для академического обсуждения, но и будут способствовать лучшему пониманию демократии, окажутся источником вдохновения и толчком для дальнейших действий по ее улучшению.

В целом предложенный сборник заслуживает читательского внимания, и его трудно не заметить среди разнообразия научной литературы. Хотя не все представленные в ней материалы равноценны, логичны и убедительно аргументированы, авторы поднимают важные вопросы и пытаются рассмотреть их в своем непривычном для нас ракурсе, предлагая собственное видение, отличное от наших традиционных представлений, мнений и идей, и тем самым дают нам повод для размышлений, оставляя ответы на поставленные вопросы открытыми для тех, кто способен и стремится мыслить.

Следует согласиться с выводом, к которому пришли составители сборника: чем более популярной, разнообразной и активной становится демократия в мире, тем сложнее ее понимать и тем меньше мы о ней знаем, а значит тем труднее даже дать определение этому феномену. И, возможно, прав был Т.С.Элиот, написавший в 1939-м в своей работе “Идея христианского общества”: “...когда термин становится таким универсально-священным, как нынешнее слово “демократия”, я начинаю сомневаться, означает ли он вообще что-либо, обозначая слишком много вещей!”

Материал поступил 18.01.2018

УДК 316.2

ВАЛЕРИЙ ПИЛИПЕНКО,

*доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела исто-
рии и теории социологии Института социо-
логии НАН Украины, Киев*

Насилие, порядок и развитие: новая версия метатеории для наук об обществе

Норт Д., Воліс Дж., Вайнгест Б. Насильство та суспільні порядки. Основні чинники, які вплинули на хід історії; пер. з англ. Тарас Цимбал. — К.: Наш формат, 2017. — 352 с.

В прошлом году увидел свет украиноязычный перевод резонансной в мировых научных кругах работы Д.Норта и его сотрудников — Дж.Уоллиса и Б.Вайнгеста. Перевод осуществил Тарас Цимбал, сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Рецензируемая книга открывает перед украинскими обществоведами основательный эвристический потенциал в интерпретации характера институциональных изменений в Украине после провозглашения ее независимости в 1991 году. Этот потенциал заслуживает краткого обзора.

Напомню, что на рубеже XX и XXI веков внимание украинских обществоведов привлекла институциональная модель эволюции социального порядка Д.Норта. Он рассматривал проблему социального порядка как проблему сотрудничества, которая решается благодаря институтам — правилам игры в обществе или придуманным